
СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Лукьяненко</i>	
Электорат	5
<i>Эльдар Сафин</i>	
За пределом дозволенного	17
<i>Юлия Зонис</i>	
Дети нейросети	41
<i>Вадим Панов</i>	
Яр(к)ость	90
<i>Людмила и Александр Белаиш</i>	
Депозит	162
<i>Алексей Гравицкий, Дарья Зарубина</i>	
С другой стороны.	199
<i>Евгений Лукин</i>	
Отморозок	218
<i>Андрей Щербак-Жуков</i>	
Молодой бог, или Чудовище после завтрака.	229
<i>Ульяна Волина</i>	
Точное будущее	243
<i>Максим Кабир</i>	
Японец	265
<i>Святослав Логинов</i>	
И Серый волк	297
<i>Дмитрий Казаков</i>	
Крылья	328

Сергей Лукьяненко

ЭЛЕКТОРАТ

Тимур Аркадьевич Петров, кандидат на пост мэра столицы, общался с консультантом в своем кабинете.

Десять лет Петров работал в московском правительстве и все эти годы продвигался к своей цели — должности градоначальника. Петров был вхож в высокие государственные кабинеты, со своей работой — экологическим благополучием города — справлялся достойно, ни в одном скандале замешан не был. Жена его работала рядовой учительницей китайского языка в младших классах, дети учились в самой обычной районной школе, на службу Петров ездил исключительно на электрическом велосипеде, отдыхал на старенькой даче в Крыму — в общем, все попытки конкурентов собрать на него компромат и опорочить оканчивались ничем. Действующий мэр уходил на пенсию и прочил Петрова, явно и неявно, в преемники.

— Будь выборы в конце двадцатого века или начале двадцать первого — победа была бы у вас в кармане, — сказал консультант. — Но сейчас, в шестидесятые... Вы же понимаете, Тимур Аркадьевич, биографии идеальные у всех кандидатов.

Петров понимал. В эпоху полной информационной прозрачности претендовать на успех в карьере можно было лишь не имея никаких явных изъянов и устраивая всех без исключения.

— А сейчас каков расклад? — сохраняя спокойствие, спросил кандидат.

— Экологи за нас, разумеется, — консультант включил смартфон и раскрыл над столом голографический экран. —

Это восемь с половиной процентов голосов. Велосипедисты за нас лишь частично...

— Почему? — возмутился Петров.

— Вы все-таки используете электрический велосипед, — вздохнул консультант. — Тру-велосипедисты этим недовольны. А ведь я предлагал чаще крутить педали! Так что из одиннадцати процентов мы можем рассчитывать лишь на пять. Лига феминисток относится к вам нейтрально, но тут уж ничего не поделаешь — вы мужчина. А ведь я...

— Нет, — твердо сказал Петров.

— Процента два голосов мы у феминисток получим, — вздохнул консультант. — Спасибо вашей супруге! Когда стало известно, что она иногда сподвигает вас готовить дома, это произвело хорошее впечатление.

— Вы бы знали, чего это нам стоило, — мрачно сказал Петров. — Я не умею готовить. Жена иногда тайно выливали мой борщ и...

— Я не хочу ничего об этом слышать! — консультант протестующе вскинул руки. — Ла-ла-ла, ла-ла-ла, я ничего не слышу! И вам лучше помалкивать. Так вот, два процента голосов феминисток — неплохой результат, но зато Движение за равноправие мужчин обижено вашей податливостью. А это минус три процента.

Петров вспомнил те чудовищные кулинарные шедевры, которые вынуждена была последний год публично употреблять его семья. Вспомнил, как жена ночью прокрадывалась на кухню, в темноте готовила суп с мясом, а потом они всей семьей, в молчании, ели его прямо из кастрюли... И все это зря! Он вздохнул.

— Зато Лига кошатников и Друзья собак принесут нам четыре процента голосов! — порадовал его консультант. — Это был прекрасный ход, когда ваша кошка выкормила щенка. Шестнадцать с половиной процентов избирателей — прекрасное начало.

— Дальше? — спросил Петров.

— С религией, как вы понимаете, мы принципиально не связываемся, так же как с большой политикой и национальным

Эльдар Сафин

ЗА ПРЕДЕЛОМ ДОЗВОЛЕННОГО

«Божественный вестник»

Алоха! Вначале кратко. В Черноземье засуха, адепты Деметры и Диониса провели трехдневный фестиваль, заработав полтора миллиона новых рублей. Первые дожди прошли еще во время фестиваля.

Сергей Гоз, профессор медицины и адепт Морфея, во время сеанса гипноза в прямом эфире вылечил двадцать человек от заикания!

Нина Еремина, главврач ДГБ-2 Сыктывкара, в попавшей в Сеть записи назвала бога Асклепия «дешевой нейросеткой», Горздрав разорвал с ней контракт, обсуждают отзыв медицинской лицензии и лишение статуса адепта.

Больше божественных новостей на нашем канале!

А сейчас — подробнее!

* * *

Сенека позвонил рано вечером, часов в восемь, — Елка только встала и варила кофе на древней, покрытой трещинами индукционной плите.

— Лена, вопрос на сто рублей, взбесился процессор в приставке «Звезда-2», надо перепрошить.

Елка поджала губы, наблюдая, как пена рвется из глубины турки. За мгновение до побега выключила плиту.

— Процессор чебоксарский? ПК-14? — уточнила она и, не дожидаясь и без того очевидного ответа, добавила: — Чебоксарские не шьются.

Из телефона послышалось пыхтение. Современные аппараты отсекают лишние звуки, нормализуя голос и превращая общение в беседу адептов Афины с идеальной дикцией.

Но Елка пользовалась восьмилетним северокорейским «Чучхе», который ловил мобильную сеть даже там, где другие аппараты переключались на платные спутниковые частоты.

Ее телефон передавал все богатство артикуляции собеседника — и хрипы, и междометия, и пыхтение, которым славился Сенека.

— Ты говорила, что шьется все. Вопрос цены, — Сенека решил надавить. Обычно он, мечтая вытащить Елку на свидание, с ней не спорил. Видимо, в этот раз случилось что-то серьезное.

— Это очень дорого, — пробормотала Елка, переливая кофе из турки в чашку.

Кофе пару лет назад поднялся в цене, при этом упав в качестве. Кофеин в приступе очередной бессмысленной борьбы объявили наркотиком. Но она выкрутилась и пила дешевый и неплохой контрабандный турецкий, который ей через учеников доставал Сенека.

— Лена, это приютовская приставка. Надо починить.

Елка, едва поднеся чашку к губам, выдохнула. Сенека преподавал информатику в местном колледже, готовящем из пьющей и матерящейся молодежи операторов станков с ЧПУ.

Получал мало, нервничал много, а потому для души и заработка брал в ремонт негарантийные телефоны, приставки, очки и стики. Потом прибил к приюту с сиротами — Елка подозревала, что сделал он это из-за нее, не понимая, что ей на это чуть более чем плевать.

И начал ремонтировать им технику — бесплатно, конечно же. Елка, которая все время подтрунивала над Сенекой, по поводу приюта ни разу не позволила себе ни единой колкости.

— Ну, тащи, чего уж там.

Насчет невзламываемости она не лгала. Ни на одной конфе Елка не встречала отчетов об удачном кряке.

Минут десять после вызова Елка медитировала: в свое время она почти два года провела в секте Ареса и оттуда в числе прочего вынесла любовь к медитациям.

Сенека постучал в дверь в тот момент, когда Елка расслабленно допивала последний глоток остывшего кофе.

Он привычно потянулся обнять подругу, Елка привычно увернулась, отбирая по ходу движения пакет с приставкой и дешевым тортиком.

Сразу прошла в комнату, села за рабочую деку, звуком щелчка пальцев разблокировав ее. У Елки было три деки — рабочая, домашняя и выездная. Рабочая отличалась от остальных тем, что не была подключена к Сети.

После взлома три года назад, когда неизвестная команда выпотрошила ее закрома, оставив мерзкий вирус, въевшийся в железо, она отключила рабочую деку от всего.

Нужное ПО Елка переносила через защищенный госуслуговский чип в предплечье, который аккуратно доработала собственной, почти ванильной прошивкой.

— Я чай поставлю? — поинтересовался Сенека.

Елка не ответила — это, впрочем, и не требовалось. Гость отлично ориентировался у нее дома, у него даже был собственный комплект ключей.

Она вытащила приставку — легендарная «3-2», уставшая еще до выхода, с портированными зарубежными играми, честно украденными в момент наивысшего расхождения в мнениях с «партнерами».

Потом на нее, конечно же, написали свои игры. И некоторые, по слухам, были неплохи. Впрочем, для Елки компьютерные игры были схожи с мастурбацией — вроде и удовольствие, но не настоящее, не оставляющее после себя ничего ни уму, ни сердцу.

Другим она свое мнение не навязывала.

— Смотрела стрим с Павленко? — спросил из кухни Сенека и, не дождавшись ответа — он знал, что Елка не смотрела, — продолжил: — К нему снизошел Аполлон, прямо

Юлия Зонис
ДЕТИ НЕЙРОСЕТИ

1. СТУДЕНТ

Все бы ничего, но вот сны...

Ему снится еловая аллея, хмурые старые деревья, хмурое небо над ними и вереница спешащих туч. На аллее выкрашенная в тревожный желтый цвет скамейка, на скамейке девушка в сером пальто. У девушки курчавые темные волосы, выбивающиеся из-под шапочки. Он идет по аллее, несет девушке букет тревожных желтых цветов — нарциссов, всегда нарциссов. Девушка не смотрит на него. Девушка что есть сил глядит в пустоту, всматривается, пытается уловить в ней что-то невидимое.

«Прости меня».

Он становится на колени, опускает цветы на скамейку, берет руки девушки в свои. Ее ладони прохладные и влажные, в отличие от взгляда в них есть какая-то жизнь.

«Прости. Я не хотел. Ты же понимаешь, я не хотел, это было подстроено».

Девушка не отвечает.

Вдалеке, у тусклых кирпичных зданий, санитары в синих халатах тащат с кухни бидоны молока или компота. В кругу ветра, болезни, обшарпанного кирпича и сосен ничего не меняется — ни за те сто дней, что он ходит сюда, ни за последние сто лет.

«Прости меня, Женька».

Вода тут была медленная. Медленно текла она в протоке, поросшей по дну длинными стелющимися водорослями, медленно колыхалась в пруду, где над опрокинутыми деревьями

качалось опрокинутое зеленое небо, и по лицу девушки стекала медленными каплями. Точнее, девочки. Ганна Михайлова. Четырнадцать лет. Ученица 9-го класса средней школы поселения Околицы.

Ганна стояла, прикрывая грудь — если это, конечно, можно было назвать грудью, — и смотрела не испуганно, а скорее с интересом. Юрек отвел взгляд.

— У нас, — голос у Ганны оказался неожиданно низкий, хрипловатый, будто не четырнадцать, а все тридцать, — говорят, что бурсаки до девок дюже охочи. У вас там, в городе, своих, что ли, нет?

Юрек пожал плечами.

— В городе все есть.

— Ага.

Ганна вышла на берег, высоко поднимая голенастые ноги — наверное, потому что дно у пруда было илистое и засасывало, — и обмоталась красным спортивным полотенцем.

— Вот Галка тоже считала, что в городе все есть.

Тон у Ганны был все такой же, изрядно прожженный, будто жизнь она повидала и жизнь повидала ее.

— Мне говорили, что ты долго смотрела на... хм... картину сестры. Вот пришел спросить, что ты там увидела.

Девочка вскинула голову, длинные темные волосы хлестнули ее по щекам.

— А тебе зачем? Я думала, бурсаки только сидят трое-ночие.

— Почему бурсаки?

— А кто вы, как не бурсаки? За девками подсматриваете. Покойников отмаливаете. И одежда на вас бурсачья, и глаза точь-в-точь.

Юрек переступил по топкому берегу, спасая кеды. В них медленно, как и все тут, но весьма упорно заливалась буроватая, подтухшая вода.

На нем были джинсы и худи, как, в общем, и на большинстве студентов Академии, форму у них так и не ввели, так что насчет бурсачьей одежды девчонка завралась. А вот насчет глаз...

— А что с глазами?

— Глазливые.

Ганна широко ухмыльнулась, от чего лицо ее наконец-то стало детским и довольно милым.

Насчет глаз Юрек бы еще повывяснял, потому что предполагалось, что селяне не в курсе насчет мембраны. Да и куда им, луддитам, они даже линзы не носят, считая их богохульным отклонением от матери-природы.

— Давай вернемся к картине.

— Давай ты отвернешься, а я оденусь.

Не дожидаясь ответа, девочка скинула полотенце и начала деловито натягивать трусы. Вот и пообщались.

* * *

В Околицы он приехал три часа назад. В качестве летней полевой практики. Дочка местного старосты, Галина Михайлова, две недели как вернулась из города. Якобы сама не своя. Быстро заболела и на местной суровой терапии, грибы да коренья, оперативно исчахла. Проблемы начались позже, а именно когда умершую, как полагается, отпели и похоронили. В ночи покойница выбралась из гроба, снеся крышку мощным — Юрек сам видел вывернутые, оскаленные щепой доски — ударом, выкопалась, отправилась к детскому саду и там на одном из павильонов намалевала картину, судя по анализам, собственной кровью и калом (хотя кал вполне мог быть и чужой). Почему-то воспитатели этого творчества не заметили сразу. Утром детишки пришли в сад, в результате вся группа «Мотыльки» отбыла в райцентр на психиатрических скорых. Видели картину и другие, например работники местного муниципалитета, — тех селяне скрутили, запихнули в сарай и чуть не сожгли, пока из района не прибыли медики и полиция.

Плюс Ганна. Младшая сестра Галины. Привела в садик самую маленькую, Полю (старосте сvezло на трех дочерей). Якобы простояла у картины час, пока воспитатели вылавли-

вали визжащих малышей, но без всякого губительного для себя эффекта.

Таково было краткое резюме заместителя старосты Макара Ильича. Сам староста пребывал в состоянии маловменяемом, хотя на шедевр и не смотрел. Мертвую ведьму селяне нашли в маковом поле, на полпути к лесу. Нашли, заколотили в гроб, уже другой, покрепче, и вознамерились сжечь, но полицейские, согласно протоколу, связались с Академией, и оттуда выслали... ну, допустим, бурсака, хотя в целом студента 3-го курса факультета десенситизации Юрия Волынского. Это ему еще повезло, потому что в последнее время выбросы случались редко и за полевую практику шла жесткая конкуренция. Однокурсники изошли завистью и хейтом. Женька его бы, наверное, убила. Она лучше сдала теорию и считалась звездой курса, пока не ушла внезапно после зимней сессии.

* * *

— Картина, — упрямо повторил он, когда девочка натянула на себя юбку модели «скромница на сеновале» и соответствующую же блузку.

Юрек честно ожидал, что она еще и волосы платком повяжет, но до этого не дошло, платок Ганна повязала на шею. Балахонистая юбка липла к ее мокрым ногам. В руки бы серп и сноп пшеницы — и историческая реконструкция готова.

Ганна притопнула ногой, от чего раскисший берег сердито чавкнул. В ветвях вякнула какая-то птица.

— Слушай, зачем тебе про картину? Твое дело в церкви отсидеть. Вы же сейчас даже Писание не читаете, врубаете ваши колонки, и понеслось. Не корчи из себя районного следователя.

— А он тоже интересовался?

— А то как же.

Картину селяне, в том числе поехавшие головой из муниципалитета, быстро залили горячей смолой, так что Юреку остались только черные пятна на стене павильона.

— Что на картине было?